

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 20—30-е гг. XX в.*

Пётр Юрьевич ПАВЛОВ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарного-педагогического государственного университета, г. Комсомольск-на-Амуре.
E-mail: PYPavlov@list.ru

В статье рассматриваются особенности развития общеобразовательного процесса Дальнего Востока в 1920—30-е гг., анализируется генезис советской школы, а также процесс взаимовлияния школы нового типа и социокультурного пространства. Автор показывает особенности формирования единой трудовой школы и реформирование общего образования в 30-е гг. XX в.

Ключевые слова: советская школа, Дальний Восток, единая трудовая школа, педагогические кадры, региональные особенности, обязательное образование.

General School as a factor of formation of socio-cultural space of the Soviet Far East (the 20—30^s of the 20th c.)

P. Yu. Pavlov. Amur Humanitarian-pedagogical State University, Komsomolsk-na-Amure.

The main features of development of general school of the Soviet Far East in the 1920—30^s are being considered in this paper. The subject of analysis is a genesis of the Soviet Far East School as well as the process of mutual influence between a new type school and socio-cultural space. Author reveals both the features of formation of a single labour school in the Far East and reforming general education during the 30^s of the 20th century.

Key words: Soviet school, the Far East, the single labour school, transformations, the pedagogical staff, the regional features, compulsory education.

До включения дальневосточного региона в состав РСФСР общеобразовательная школа испытывала на себе влияние советской образовательной политики, но вместе с тем сохранялось значительное наследие дореволюционной системы образования. Своеобразие исторического развития восточной окраины страны второй половины XIX — начала XX в., революция и Гражданская война, внутренняя политика ДВР сформировали своеобразное «школьное общеобразовательное пространство» Дальнего

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 09-01-88102 а/Г.

Востока, под влиянием которого формировалась советская школьная система. Особенности развития общего образования определялись этническим фактором, природно-климатическими условиями, демографической ситуацией, экономическими задачами, внешнеполитическими факторами. Для этой территории характерен пёстрый социально-этнический состав, а официальная государственная идеология сглаживала культурно-этнические противоречия. Религиозная толерантность со стороны местного населения и властей явилась сильным толчком, побудившим представителей различных религиозных течений переселяться в этот край в поисках духовной свободы.

В первое десятилетие советской власти в области школьного образования проходили процессы изменения идеологических и образовательно-педагогических ориентиров. Своё начало советская школа в регионе берёт в ноябре 1922 г., тогда при Дальревкоме был создан Дальневосточный отдел народного образования под руководством бывшего министра просвещения ДВР М.П. Малышева. 19 декабря 1922 г. Дальюно распространил циркуляр «О порядке проведения советизации по учреждениям соцвоса». Целью советизации провозглашалось образование единой системы народного просвещения по образцу европейской части РСФСР на основании Положения «О единой трудовой школе РСФСР» [1].

Школьное образование не представляло собой единую, строго централизованную систему. Являясь единой по своей структуре, трудовая школа была разнообразной по формам, содержанию и методам организации образовательного процесса [2]. Вместе с тем взамен разнородной общеобразовательной системы вводилась унифицированная не только единая, но и трудовая школа, призванная подготовить человека социалистического общества. Обучение в ЕТШ (единая трудовая школа) ориентировалось на региональные и территориальные особенности расположения учебных заведений. В совместное обучение вводилось упразднение отметочной системы оценки знаний. При этом нельзя забывать, что демократизация трудовой школы осуществлялась в рамках классового подхода. Политическое воспитание, пропаганда коммунистических идей определялись главной задачей [3]. В декабре 1922 г. Дальбюро ЦК РКП(б) разослало Циркуляр № 3, предписывавший с 1 января 1923 г. ввести во всех школах специальные курсы элементарной политграмоты. Так, идеологизация образования стала характерной чертой советской школьной системы, во многом определившей отрицательные моменты общего образования.

Советская власть ставила задачу не просто революционно изменить школу, а превратить её в инструмент уничтожения старого мира, что и привело в XX в. к оригинальным педагогическим решениям — вплоть до идеи изолирования школьников в закрытых учреждениях, чтобы оградить подрастающее поколение от влияния политически отсталого окружения. Такой подход изначально был неверным — общеобразовательная школа всегда отражает текущее состояние общества, в чем и состоит

её «консерватизм», поэтому ошибочно возлагать на неё задачу подготовить «новое» поколение людей. Школа развивается только вместе с обществом, рост благосостояния страны определяет эффективность развития образовательной системы. Поэтому ставить перед общим образованием некие опережающие задачи — серьёзнейшая ошибка. Школа не воспитывает «новых людей», и всякого рода новации, поступавшие из Центра, являлись наиболее пагубными для Дальнего Востока: регион на всём протяжении своего исторического развития отличался достаточно высокой степенью исполнительности. Неисполнение решений центральной власти могло привести к отрицательным последствиям, потере социального статуса, невозможности вновь вернуться в центральные районы страны, особенно для приехавших «по приказу сверху» и лелеющих надежду на возвращение.

Следует отметить, что ЕТШ являлась общественно-государственным учреждением, управляемым не только сверху, но и при участии местных властей. В такой ситуации эффективное существование школы было возможным только при наличии местного самоуправления. На Дальнем Востоке подобной формы управления не было. Местное самоуправление не могло сложиться по объективным причинам: освоение огромных территорий, постоянно растущая внешняя угроза, необходимость выполнения государственных заказов, сложные природно-климатические условия требовали строго централизованного управления. Таким образом, специфические условия дальневосточного региона входили в противоречие со смыслом организации единой трудовой школы. Коренное отличие ЕТШ от старой дореволюционной школы выразилось в повороте от интеллектуализма к волюнтаризму. Воля считалась основой духовной жизни, что, естественно, сказывалось на уровне интеллектуального воспитания. Вновь создаваемая на Дальнем Востоке школьная система была демократичной, что в той социально-экономической ситуации имело свои плюсы и минусы. Новая школа ориентировалась на свободный, творческий поиск со стороны администрации, учителей и учащихся.

Становление системы народного образования Дальнего Востока в 20-е гг. XX в. осуществлялось по двум направлениям. С одной стороны, складывалась и развивалась система управления образованием, с другой — формировались советская школьная система (ЕТШ) и сама школьная сеть. Наркомпрос РСФСР, руководя образованием в рамках принципов единой трудовой школы, оставлял большое поле деятельности низовым отделам образования, которое было направлено (через 11-ю ступень обучения) на формирование свободного, всесторонне развитого человека «новой интеллигенции». При этом следует помнить, что свобода советской школы 20-х гг. ограничивалась рамками существовавшей идеологии и усиливавшимся классовым подходом к образованию.

На практике план превращения школы II ступени в канал подготовки классово-предпочтительной интеллигенции Дальнего Востока фактически

оказался сорван, дети рабочих и крестьян даже в конце 1920-х гг. составляли меньшинство учащихся этой ступени. Принцип классового подхода отступал на второй план, когда находились состоятельные родители и в школах создавались договорные группы, в которых многие учащиеся были из зажиточных слоёв. Всё это на практике означало полную профанацию классового принципа в области среднего образования. При этом получение образования большинством школьников рассматривалось не как средство закрепления на востоке страны, а как документ, открывавший путь возвращения на Запад, и возможность занять там более высокую социальную ступень.

Сложившаяся в конце 20-х гг. программа приоритетного развития тяжёлой индустрии и коллективизации сельского хозяйства, распространение на сферу образования сталинской идеи обострения классовой борьбы по мере строительства социализма определили окончательное сворачивание демократических тенденций развития трудовой школы. Система общего образования перестала соответствовать задачам социалистического строительства. Общественно-государственная школа стала не нужна, требовалась образовательная система, обслуживающая строительство индустриальной модели общества. К 1928 г. обозначились основные недостатки развития образования в рамках единой трудовой школы. Основное противоречие этого периода возникло между всеобщим обучением, ликвидацией неграмотности и сложившимся «остаточным» принципом финансирования, что породило разницу между количественными и качественными показателями развития школы. К этому времени «советская школа первой модели» выполнила свою задачу — проблема повышения начального образовательного уровня, преодоления всеобщей неграмотности, индоктринации подрастающего поколения была решена.

Развитие ЕТШ проходило в строго установленных государством идеологических рамках. Главное — идеологический контроль — осуществлялся через педагогические кадры. Привлечь учительский корпус на свою сторону, превратить его в активного проводника политики советской власти означало одержать победу на идеологическом фронте. За время революции и Гражданской войны количественный и качественный уровень педагогических кадров снизился. В школах работали большей частью полуграмотные люди. Необходимо было решить проблему нехватки кадров и повысить профессиональное мастерство учителя.

Педагогические кадры — наиболее проблемная составляющая общеобразовательной школы Дальнего Востока, что было следствием особенностей формирования структуры населения. Основная масса жителей ехала в регион по приказу или в случае крайней необходимости, а при изменении ситуации переселенческий поток направлялся обратно. В отдельных случаях он превышал число прибывавших. В 1943—1944 гг. на Дальний Восток прибыло 29 909 чел., а обратный переселенческий поток составил 59 860 чел.: только из г. Комсомольска-на-Амуре за этот период выехало 20 586 чел., не считая призванных в армию, а прибыло 2890 [4]. При этом

власти прекрасно отдавали себе отчёт в причине таких встречных перемещений, главная цель приезжавших — заработать деньги и вернуться обратно*.

В таких условиях на Дальнем Востоке сформировался особый тип социальной организации — «проточная культура», ориентированная на постоянную изменчивость [5]. Педагоги могли способствовать формированию высоких знаний учащихся, но не воспитанию коренного жителя региона. Носители такой культуры воспроизводили себе подобных, формировали особую социальную группу «дальневосточников», надеявшихся на перемещение в более цивилизованные регионы. На востоке страны не было культурных центров, которые могли бы стать базой подготовки местных педагогических кадров, ориентированных только на регион. Дальневосточные города в 20—30-е гг. XX в. такими не являлись, они в первую очередь стали политическими, военными и хозяйственными центрами, ориентированными на выполнение «госзаказа» центральной власти [5].

Подготовка кадров для школ 1-й ступени, как правило, осуществлялась через систему педагогических курсов. Социально-ценных студентов, имевших семилетнее образование и достаточное материальное положение, для обучения в техникумах практически не было. Техникумы вынуждены были набирать студентов, не имевших необходимого образования, и не могли обеспечить высокую профессиональную подготовку такой категории выпускников. К концу 20-х гг. педагогические кадры Дальнего Востока были малочисленны, имели невысокую степень профессиональной подготовки. Проводимые в центральной части страны различные мобилизационные мероприятия не могли решить кадровой проблемы. Насильственно направленные в регион педагоги при первой возможности стремились вернуться обратно.

Сравнительный анализ архивных материалов показывает, что за период с 1922 по 1928 г. были достигнуты заметные успехи в становлении школьной общеобразовательной сети и обучении детей 14—18 лет. В 1922/23 учеб. году в Приамурской губернии ДВО насчитывалось 196 школ разного типа, в которых числилось 13 158 учеников [6]. Приведённые данные следует считать приблизительными, часть школ к февралю 1923 г. не действовала или прекратила учебные занятия. В действовавших учебных заведениях учащиеся не посещали занятий, такая ситуация была характерна для всего Дальнего Востока [РГИА ДВ. Д. 232. Л. 11—15; ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 18. Л. 27—30]**. К 1927/28 учебному году ситуацию удалось исправить в лучшую

* В справке о состоянии народного образования в Хабаровском крае, составленной 26.10.1948 г. за подписью И. Чистякова, такая ситуация с переселенческими потоками рассматривается как негативная для развития народного образования в крае.

** По официальным данным, к февралю 1923 г. в ДВО проживало 464 030 детей школьного возраста, из них в школах обучалось 170 977 чел., что составляло 36,84% детей в возрасте 8—14 лет. Хуже всего было положение в сельских районах, в целом по области сельских детей обучалось не более 30%. В первой половине

сторону, но рост школьной сети происходил в основном за счёт приспособленных помещений. За весь период вхождения территории ДВР в состав РСФСР в крае было построено всего 273 школы. Количество учащихся выросло, и 50% школ проводили занятия в две смены [7].

1930-е гг. в истории образования на Дальнем Востоке — особый период, несущий на себе отпечаток влияния многих факторов социально-политического, экономического, идеологического характера, присущих развитию советского общества. К числу важнейших из них следует отнести радикальные политико-экономические преобразования, усиление напряжённости в отношениях с мировым сообществом. Следствием их воздействия стало жёсткое и прямое подчинение деятельности всех звеньев образовательной сферы народнохозяйственным задачам.

Индустриализация обусловила острую потребность государства в специалистах высокого уровня. Многие выпускники советских ЕТШ по уровню образования мало отличались от ремесленников. Это вызывало крайне нежелательную и неприятную для большевистской власти зависимость от «буржуазных спецов». Утилитарно-прагматический подход к школе был заложен в основу новой образовательной политики. Официальным её узаконением стали установки и решения ряда партийных съездов, пленумов и совещаний: июльского (1928 г.) и ноябрьского (1929 г.) Пленумов ЦК ВКП(б), XVI съезда партии, 2-го партийного совещания по народному образованию.

Новая государственная политика с технократическим уклоном и курсом на форсированность и массовость обучения определила направленность и ведущие тенденции развития системы общего образования Дальнего Востока. Как и повсеместно, здесь в 30-е гг. проводилась широкомасштабная работа по ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения в возрасте от 16 до 49 лет. Решались задачи ускоренного перехода ко всеобщему обязательному обучению детей 8—11 лет, а в промышленных центрах — к обязательному семилетнему обучению. Принимались меры к открытию новых учебных заведений самого различного типа: начальных школ, школ-семилеток, фабрично-заводских семилеток (ФЗС), школ крестьянской (колхозной) молодёжи (ШКМ), краткосрочных курсов по подготовке кадров рабочих массовых специальностей.

Перед общим образованием ставились задачи в сжатые сроки (в пределах одной—двух пятилеток) добиться резкого повышения общеобразовательного уровня населения и «отраслирования» системы профессионального образования, т.е. соединения деятельности каждого учебного заведения с практическими нуждами промышленности своего региона.

1923 г. школьная сеть стремительно сокращалась не только на Дальнем Востоке, но и по стране в целом. Дальревком разослал ряд предписаний, чтобы стабилизировать школьную сеть. Все школы, снятые с госбюджета, включались в местный бюджет. Для самообеспечения школ организовывались производственные мастерские, в сельских районах школы должны были заниматься сельскохозяйственным производством. В деревне для содержания школ вводились натуральное самообложение населения, топливная повинность, школьные поля.

Начинается процесс формирования «советской школы второй модели», ориентированной на подготовку механиков, инженеров и т.д. Эта модель представляет собой синтез дореволюционной гимназии с реальным училищем. В учебных планах расставляются иные акценты: математика, физика, изучение естественных наук превращаются в профильное направление. Введение всеобщей унификации — единая структура, стандартные учебные программы, единые учебники, введение всеобщего образования привели к формированию единого образовательного пространства, в стране создали ситуацию всеобщего равенства в образовании. Общеобразовательная школа превращалась в «фабрику строителей коммунизма», для которой гуманистические принципы единой трудовой школы были неприемлемы [8].

Особая военно-политическая ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке в 30-е гг., наложила свой «региональный» отпечаток на темпы, сроки и итоги выполнения поставленных задач. Как известно, Дальний Восток в силу своего пограничного положения стал зоной повышенного внимания со стороны руководства СССР. Для обеспечения его интенсивного экономического развития, укрепления обороноспособности края (восточных границ СССР), поддержки развёрнутых здесь частей Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА) и Тихоокеанского флота в регион постоянно перебрасывались значительные людские контингенты (как военные, так и гражданские). Существенный приток населения и резкий демографический скачок стали одной, но не единственной причиной отставания региона от средних общесоюзных темпов решения ключевых задач по подъёму уровня образованности населения страны. Намеченные планы развития общего образования и сроки их выполнения оказались непосильными. Оказалось нереальным решение задачи полной ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. К концу 1930-х гг. ДВК входил в группу районов, где доля неграмотного населения значительно превышала среднюю цифру по РСФСР (36% против 13%).

На протяжении всего довоенного периода с большими сложностями решалась задача введения начального всеобщего образования. Анализ архивных материалов Дальнего Востока, местных органов народного образования позволяет утверждать, что добиться 100%-ного охвата детей школьного возраста обязательным обучением в объёме начальной школы (что, собственно и подразумевала идея всеобщего образования) местным партийным и советским органам не удалось ни в рамках первой, ни второй пятилеток. Этому мешали незапланированный прирост детского населения, нехватка школьных зданий, учительских кадров, стихийный отсев учащихся, наличие такой специфической группы, как дети коренных народов.

Программа «отрасливания» вузов и техникумов на практике обернулась чередой реорганизаций и ликвидации образовательных учреждений. Наиболее показательным примером негативных последствий, к которым приводили неподготовленные решения по радикальной перестройке системы профессионального образования, своеобразная «вузовская лихорадка», является история реорганизации ДВГУ, единственного вуза на

Дальнем Востоке в 20-е годы. В 1930 г. в соответствии с постановлением ЦИК СССР и СНК РСФСР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов», как и все другие университеты в СССР, он был расформирован. Постановлением СНК РСФСР № 752 от 13 июля 1931 г. ДВГУ был восстановлен, однако структура его существенно изменилась.

С переходом к новой системе школьного образования учительский корпус рассматривается как орудие обеспечения государственных инициатив в области экономической, социальной и политической жизни. Сталинская концепция строительства социализма, пропитанная духом обострения классово-борьбы, в первую очередь сказалась на отношении к педагогическим кадрам. А. В. Луначарский, сторонник демократического развития народного образования в рамках трудовой школы, с его идеей параллельного развития экономики и культуры становится ненужным. Народного комиссара, 12 лет проработавшего наркомом просвещения, перемещают на должность председателя учёного комитета при ЦИК СССР.

Проводником сталинских установок в народном образовании стал нарком просвещения А. С. Бубнов. В течение 1929—1930 гг. были произведены аналогичные замены в системе Далькрайона. А. А. Лобов был перемещён с должности заведующего и стал заниматься развитием профессионального образования на Дальнем Востоке. Превращение дальневосточной школы в государственное идейно-пропагандистское учреждение возглавила М. С. Виноградова. Процесс создания классической советской школы привёл к изменению кадровой политики, начал свою раскрутку процесс недоверия к старым специалистам, гонения и репрессии педагогов имели под собой вполне объективную причину. В процентном отношении педагоги с дореволюционным образованием в сельской местности составляли небольшое количество, но в силу своего профессионального и образовательного уровня имели большое влияние в обществе [9]. Сталинская идея сверхиндустриализации и коллективизации противоречила их убеждениям и психологическим установкам. Партийно-государственный аппарат прекрасно понимал, что эта часть педагогов добровольно не будет обеспечивать реализацию новой политики партии, а только под принуждением, внутренне ей сопротивляясь. Вот это и рассматривалось как «вредительская работа».

VI Всесоюзный съезд профсоюза работников просвещения СССР, проходивший весной 1927 г., ориентировал учительство на широкую общественную работу, с целью обеспечения социалистического строительства в СССР [10]. Таким образом, с конца 20-х гг. XX в. учителя кроме своих прямых обязанностей стали обеспечивать и чисто экономическую функцию по проведению и выполнению планов социалистического строительства. Переход к новой школьной модели требовал большого количества педагогических кадров с высшим образованием, насильственные мобилизации и различные агитационные кампании проблему не решали. На Дальнем Востоке необходим был свой специализированный вуз. Афанасий

Алексеевич Лобов стал активным проводником идеи открытия в крае аграрно-педагогического института, главного центра подготовки учителей высшей квалификации для сельских школ. X Дальневосточная краевая конференция ВКП(б) в мае 1930 г. приняла решение организовать агро-педагогический институт в Благовещенске [ГАРФ. Д. 367. Л. 167—169]. Одновременно конференция установила социальный состав студенчества для учебных педагогических заведений. В педагогический институт не менее 40% выходцы из рабочих, не менее 25% — из батрацко-бедняцкой среды.

Результаты развития образовательных процессов в регионе нельзя оценить однозначно. За этот период действительно достигнуты значительные успехи. Создана новая, более разветвлённая и многопрофильная сеть учебных заведений начального, среднего и высшего звена. Школьная сеть только в Приамурье к началу 1940/41 учеб. года состояла из 1 645 школ, в которых обучалось 224 913 учеников [ГАРФ. Оп. 70. Д. 7057. Л. 16, 2, 4, 5]. При этом в Амурской области располагалось 52,5% всех школ сельской местности, в которых обучалось 54,2% сельских детей. Но эти сдвиги были обусловлены не осознанием ценности образования как важного и необходимого обществу социального института. В условиях жёсткой политической и экономической конкуренции двух систем форсированное развитие образования наряду с «подстёгиваемым» развитием промышленности и сельского хозяйства рассматривалось лишь в качестве возможного средства преодоления надвигавшегося мирового военно-политического кризиса. Это обусловило постепенное выхолащивание духовного компонента образования, переход от качественных к количественным показателям оценки его состояния.

Свои коррективы в планы развития системы образования на Дальнем Востоке внесло резкое ухудшение советско-японских отношений и усиление агрессивных намерений Японии. Уже к 1933 г. советское правительство владело информацией о том, что Япония готовится к войне против СССР и начнётся она с нападения на советское Приморье. После вторжения японской армии в Маньчжурию и оккупации этой части Китая обстановка на Дальнем Востоке стала оцениваться как весьма неблагоприятная. Ситуация «необъявленной войны» и появление очага военной опасности в непосредственной близости от восточных границ привели к свёртыванию нового школьного строительства, консервации начатых объектов, расположенных в пограничных районах, передислокации учебных заведений в глубь края и страны.

Несомненно, за период 1920—1930-х гг. социокультурное пространство Приамурья претерпело значительные изменения. Была создана единая структура образования от начальной школы до вуза. Выпускники школ получили реальную возможность дальнейшего обучения в других регионах страны, на практике была создана ситуация всеобщего равенства в образовании. Политические задачи государства, его экономические потребности диктовали необходимость реформирования и дальнейшего развития системы образования; осуществлялся рост образования «вширь» — в регионе

происходило постоянное увеличение количества школ, с другой стороны, система образования развивалась также «вглубь» — поэтапно вводилось обязательное образование, совершенствовался учебно-воспитательный процесс, переориентировалась сама система образования. Трансформация содержания учебно-воспитательного процесса осуществлялась в официально заданном русле, в пределах и объёмах, допущенных партийно-государственным аппаратом.

Формирование системы народного образования включало в себя два основных направления, обладающих внутренним единством и органической связью между собой: с одной стороны, проходило формирование и развитие процесса ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения как основополагающего фактора культурного развития страны, как основы дальнейшего развития образования, с другой — создавалась и развивалась общего школьного образования. К 1941 г. удалось достичь заметных успехов, но выполнить все образовательные задачи не удалось. На Дальнем Востоке установились стойкие географические и социальные зоны неграмотности: сельская местность, малонаселённые районы и малоимущие слои населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. РГИА ДВ (Российский гос. ист. арх. Дальнего Востока). Ф. 2422. Оп. 1. Д. 1593. Л. 1—3.
2. Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России XVIII в. — 30-е годы XX в. Барнаул, 2001 г. С. 313—328.
3. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. 2306. Оп. 4. Д. 748. Л. 1—9.
4. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. 356. Оп. 6. Д. 15, Л. 61—65.
5. Бляхер Л.Е., Левков С.А. Губернские города: между «глобальными воротами» и «муниципальным образованием» // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР: материалы междунар. науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 4—5 октября 2007. В 2 ч. Комсомольск-на-Амуре, 2007. Ч. 1. С. 139—155.
6. РГИА ДВ. Ф. 2422. Оп. 1. Д. 232. Л. 13—14, 11—15.
7. Народное просвещение в Дальневосточном крае. 1927/28 учеб. год. Вып. 1-й (Соцвос): Материалы Всесоюзной школьной переписи 1927 г. и данные текущего обследования 1927/28 учеб. года. Хабаровск; Благовещенск, 1929. С. 8,9,15, 27, 330—333.
8. Белоглазова С.Б. Школьное дело как часть культурного строительства на юге Дальнего Востока СССР в 1917—1927 гг. // История культуры Дальнего Востока СССР XVII—XX веков. Советский период. Владивосток, 1990; Она же: Культурное строительство на юге Дальнего Востока СССР. 1917—1941 гг.: очерки ист.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1992; Она же: Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20—30-х гг. XX в.: очерки ист. Владивосток, 2001.
9. Народное просвещение в Дальневосточном крае. 1927/28 учеб. год. Вып. 1-й (Соцвос). Материалы Всесоюзной школьной переписи 1927 г. и данные текущего обследования 1927/28 учеб. года. Хабаровск-Благовещенск, 1929. С. 346; Советская культура в реконструктивный период. 1928—1941. М., 1988. С. 223.
10. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 672. Л. 99—100; Оп. 70. Д. 7057. Л. 16, 2, 4, 5.